

"СУД ПОКАЯНИЯ, СОВЕСТИ И ПРОЩЕНИЯ"

О МАЛОИЗВЕСТНОМ В РОССИИ ВЫСТУПЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА ЕЛЬЦИНА В БУДАПЕШТЕ

Борис ПУСТЫНЦЕВ

Более сорока лет назад, 23 октября 1956 года, в Будапеште и других городах Венгрии начались массовые митинги и демонстрации, направленные против господства тоталитарной советской системы. Основными требованиями венгров были: вывод советских войск, провозглашение основных гражданских прав и свобод, восстановление в правах политических партий и проведение свободных выборов. Венгерская армия отказалась сопротивляться столь очевидно выраженной воле народа, многие военнослужащие перешли на сторону демонстрантов. С оружием в руках в защиту коммунистической власти выступили только части госбезопасности, что и спровоцировало первые вооруженные столкновения. Советские войска в первые дни кое-где вступали в уличные бои с повстанцами, но 30 октября они ушли из Будапешта. Было создано правительство во главе с Имре Надем - первое многопартийное и демократическое после 1947 г. Оно вступило в переговоры с советским командованием о выводе войск с территории Венгрии. На местах возникали демократические органы самоуправления. Страна ликовала.

Но уже 1 ноября последовало вторжение новых советских частей. В знак протеста правительство Надея заявило о выходе Венгрии из Варшавского Пакта и приняло декларацию о нейтралитете. 3 ноября участники венгерской делегации на переговорах в расположении советской воинской части были арестованы во время ужина, устроенного в их честь. На следующий день советские танки начали штурм Будапешта. Было объявлено о создании марионеточного правительства Яноша Кадара, который обратился к советским войскам с просьбой помочь подавить "реакционные силы". Жестокие бои продолжались целую неделю.

Месть "победителей" была кровавой. Точное число казненных неизвестно до сих пор. В 1994 году на мемориальном кладбище в Будапеште, где госбезопасность закапывала свои жертвы, я видел сотни безымянных могил: кто в них лежит - неизвестно, все документы, следственные дела уничтожены. Мне показали могилу мальчика, которого приговорили к смерти, когда ему едва исполнилось семнадцать лет. Он был повешен в день, когда достиг совершеннолетия. И все это время он знал, что его ждет.

Еще через 35 лет рухнула коммунистическая система, страны советской орбиты обрели независимость. В ноябре 1992 года Борис Ельцин прибыл в Венгрию с государственным визитом. Это было время конца так называемого "романтического" периода российской демократии. Противники политических и экономических реформ, придя в себя после поражения в августе 91-го и убедившись, что никакой "охоты на ведьм" не предвидится, быстро перегруппировались и перешли от обороны к наступлению. Неизбежные негативные последствия первых шагов на пути преобразования нашей экономики, малочисленность группы

реформаторов в окружении президента, психологическая неготовность значительной части граждан жить в новых экономических условиях без опеки всемогущего государства - все это придавало уверенность и силу тем, кто стремился к тоталитарному реваншу. К концу 1992 года ими были найдены новые организационные формы борьбы: на горизонте замаячил призрак, казалось бы, невероятного для России политического симбиоза - национал-коммунизма. На охоту стали выходить сами ведьмы.

Уже наметились трещины будущего раскола, разлома законодательной и исполнительной власти, которые через год приведут к кровавой драме в столице. В Верховном Совете стали аккумулироваться политические амбиции всех сторонников "особого пути" для России, ее новой изоляции от цивилизованного мира, от международного правового сообщества. Попытки возродить советскую имперскую идеологию, психологию "осажденной крепости" выливались в откровенную угрозу смены приоритетов во внешней и внутренней политике.

В этих условиях президент Ельцин, выступая в венгерском парламенте, сделал последнюю, я бы сказал, героическую попытку не допустить изменения правительственного курса, сложившегося после августа 1991 года и основанного на признании наличия у России и стран Запада приоритетных общих интересов, подтвердить безусловную приверженность новой России общечеловеческим ценностям. Его речь была, по сути дела, изложением программы действий правительства на ближайшие годы. Признав, что "основные угрозы безопасности и стабильности в Европе исходят сегодня из региона, который еще недавно именовался социалистическим содружеством", он выразил уверенность, что "никаких откатов назад, никакого отступления от стратегического курса реформ в России допущено не будет. У нас достаточно сил, чтобы противостоять тем, кто стремится повернуть историю вспять". Он не оставил сомнения в том, что Россия нацелена на "вхождение в мировые и европейские структуры". И, наконец, впервые в нашей истории руководитель государства заявил о необходимости "привести в действие такие мощные рычаги прогресса, как суд совести, покаяние и прощение". Это уже говорил европеец.

В Германии вскоре после второй мировой войны возникло общественное движение "Zuhnezeichen Aktion" - Акция "Знак искупления". Члены этой организации работают во всех странах, где ступала нога солдата немецкой оккупационной армии. Работают бесплатно, в качестве добровольцев, возводя и обслуживая медицинские и благотворительные учреждения, школы, - антивоенные мемориальные центры. Большинству добровольцев - 20 - 25 лет. Когда я познакомился с деятельностью движения, увидел, сколько молодых немцев готовы через полвека после окончания войны бескорыстно работать во имя искупления грехов своих дедов и прадедов, я

был потрясен. Я убедился, что народ Германии, несмотря на 12 лет повального нацистского сумасшествия, сохранил нравственное здоровье, и антитоталитарные настроения подавляющего большинства населения основаны на прочном моральном фундаменте. И в то же самое время я испытал чувство глубокой горечи, понимая, насколько мой народ не готов к покаянию перед людьми других стран, жизнь которых, во многих случаях вполне благополучную, мы в свое время растоптали солдатским сапогом. Или же, как в 1956-м в Венгрии, раздавили вспыхнувшую было надежду на нормальную жизнь.

Я убежден, что, пытаясь ввести в наш обиход такие категории как “суд совести, покаяние и прощение”, президент был совершенно искренен и (в тот момент) намеревался действовать соответствующим образом. Он был уверен, что создает еще один прецедент, прокладываящий России дорогу в общеевропейскую семью народов. Вернувшись в Москву, он представил Верховному Совету на ратификацию “Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Венгерской Республикой и РСФСР”, подписанный им еще в декабре 1991 года во время визита венгерского премьер-министра Антала Йожефа.

Но российский парламент тут же вернул президента на землю, отказавшись ввести в действие документ, в котором готовность России, как преемницы СССР, к тому самому покаянию если и не указывалась, то хотя бы подразумевалась. Основной мотив, по которому депутаты отказались ратифицировать договор, звучал так: “Как мы будем смотреть в глаза матерям советских солдат, погибших в боях на улицах Будапешта в 1956-м?” Желания смотреть в глаза жертвам прежнего режима у его скрытых и явных сторонников, конечно же, не было. К парламентскому большинству присоединились и некоторые ближайшие соратники президента. Сопrotивление практически по всем пунктам программы, изложенной в будапештской речи, было столь яростным, что Борис Ельцин растерялся и отступил. С этого времени принцип “разумной корректировки реформ” начал распространяться и на область внешней политики. “Линии Козырева” приходил конец.

Многочисленные белые пятна - открытые раны на теле нашей истории - зияют не только в давнем и недавнем прошлом, ими испещрен и сегодняшний день. Мы уже не удивляемся, что до сих пор не знаем имен советских военнослужащих, расстрелянных в том далеком 1956 году на территории нашего посольства в Будапеште за отказ сражаться за несправое дело. Не знаем, несмотря на обещание президента, что “граждане и Венгрии, и России обязательно узнают всю правду о том трагическом времени уже в ближайшее время”. Но мы не знаем обстоятельств даже четырехлетней давности, при которых президент счел возможным наложить вето на опубликование своей речи, произнесенной в венгерском парламенте. Причем запрет был, очевидно, столь жестким, что наши отчаянно независимые средства массовой информации дружно как в рот воды набрали. Самая яркая политическая речь президента России осталась холостым выстрелом.

С тех пор правительство несколько раз выносило договор на рассмотрение парламента. Наконец, в январе 1995 года прошлая Государственная Дума вдруг ратифицировала его, без

обсуждения, настолько быстро и тихо, что это осталось практически незамеченным. Но будапештское выступление нашего президента, о котором знает и помнит каждый венгр, до сих пор неизвестно россиянам.

В ноябре 1992 года Борис Ельцин сказал: “Россия глубоко заинтересована в том, чтобы логика противостояния, которая буквально отравляла жизнь нашего континента, навсегда ушла в прошлое”. В прошлом году на выборах нам удалось предотвратить возвращение этого отравленного прошлого. В 1996 году наша страна стала членом Совета Европы. И мы надеемся, что основные положения речи первого президента России, произнесенной почти пять лет назад, в обозримом будущем лягут в основу реальной политики российского правительства.